

А мы наддали! Или разборки в старом тире

И чем только может мальчик в пионерском лагере привлечь внимание девочки? Красивым лицом, модной стрижкой, статью, красивой одеждой? Да ничего подобного! Это все для манекенов!

Как нас учил кружковод Сергей (Ляля), первое правило маскировки замереть! Глаз в первую очередь регистрирует движение, так что умри, притворись бездыханным, постройся льдом, мхом и хвоей и не дыши! Ровно наоборот надо вести себя в жизни отряда - будь смелей, активней, провокационной!

Мой товарищ Андрюха Свешников был невысок, прыщав, но нахален, смел и по - хорошему агрессивен. Он мог выпендриться на футбольном поле и пробить по воротам в прыжке через себя. Мог выйти на сцене к микрофону и спеть модную песню. Мог

Да чего он только не мог, лишь бы девчонки зрители визжали от восторга и тащили полевые цветы охапками. Любил он их внимание и пользовался этим на сто процентов.

Другой мой дружок, Сережка (Пасик), был совсем другого склада. Балагур и весельчак, приколист и футболист, в общении с девочками вел себя скромно, не выставляя напоказ свои предпо-

чтения и переживания. Ему нравилась девчонка, и он оказывал ей скромные знаки внимания. И вот однажды лагерь стал готовиться к празднику с большой танцевальной программой.

Именно в это время Серега умудрился попасть в изолятор. То ли температура скакнула, то ли нос загулдел - одним словом, пролетел Серега мимо праздника как фанера над Парижем! Пустой бокс с белоснежными простынями на кроватях, и всего один пациент — Серега. Вот непруха, так непруха!

А народ уже подтягивается к клубу! Уже и музыка играет, и девчонки нарядные парочками плывут через футбольное поле, и малышня скачет. Да и «выюноши пыльные», напаяженные, да накупанные, в брючках «клеш» со стрелочками в обреш, в батничках (приталенных модных рубашках) и с прическами «шведский мальчик» идут, улыбаются, подружек себе присматривают! И как тут устоять, как сдержаться, как не закружиться в танце аки голубь сизокрылый! Да мало ли в лагере таких, как Андрюшка Свешников!

Лежит Серега в изоляторе и беспокойно ему. А вдруг его симпатия еще с кем-нибудь танцевать будет. А вдруг она сделает другой выбор - вон, сколько парней красивых!

— Доктор, я буду ходить? — всплыл в голове диалог известного анекдота.

— Только под себя!

От этой мысли подскочил Серега на кровати, белый как простыня, на лбу крупные капли пота.

— Вон доктор обещал завтра выпустить, а сегодня что ж, нельзя? Сегодня я еще больной? — рассуждал Серега, трясая патлатой шевелюрой.

— Нет, если завтра отпустят, то и сегодня я уже практически здоров - просто доктор перестраховывается. — стучало в мозгах.

— А если так, то не будет большим проступком, если я на минуточку, только на секундочку, практически на мгновение посмотрю через окошко, как там у них в клубе все отчетливее формировалась мысль.

Изолятор стоял практически около центральных ворот на главной аллее, т.е. на другом конце лагеря, противоположном от клуба, извините, киноконцертного зала «Лесная тишина».

Что стоило мальчишке нашего поколения, привыкшего забираться на свой балкон на втором этаже по стоящему рядом с домом дереву, выпрыгнуть в форточку изолятора? Обычное дело, когда забыв ключи, по газовой трубе приходилось забираться этаж на третий-четвертый, да пройти по парапету дома, да залезть в форточку окна? Главное, что бы родители не узнали и не ругались! А тут первый этаж!

Выпрыгнув из форточки, он побежал к клубу, скрываясь за деревьями и кустами, вдоль столовой, мимо пионерской комнаты и памятника А.С.Пушкину, мимо банно-прачечного комбината за ДТТ. А там уж недалеко за деревьями за зеленым домиком клубного туалета и напрямик к заднему выходу из клуба.

Распугав стайку молодых людей дымящих в рукав, Серега забрался на ступени пожарного выхода и припал к окну.

В тот вечер мы завалились в клуб прямо из кружка расхристанные, чумазные и уставшие. Ребята старших отрядов, красивые и нарядные, кадрились с девчонками. Наш Андрюха Свешников вместе с ними. Наша банда попыталась просочиться за собранные пирамидой под потолок ряды со стульями, но нас изловил дежурный вожатый и отпустив напутствие «под штангу» выпроводил в отряд переодеваться.

— Мы чужие на этом празднике жизни! — философски процитировал Ильфа и Петрова Игорек.

— Может пойдем на кроватях поваляемся или в теннис? — предложил Зорька.

— А Пасик, между прочим, в изоляторе, а хотел быть в клубе! — заметил Макар.

— Так почему мы должны игнорировать этот самый праздник, если он уже у нас? Айда переодеваться, банда!» — резанул я и зашагал быстрее к корпусу.

Плевое дело, как противогаз надеть 17 секунд! И вот уже банда, лоснящаяся и пахнущая «Гвоздикой» входит в ККЗ, где вдоль стен поверх стульев жмется мелочь, на стульях восседают работники хоздвора, у трех выходов стоят вожатые мальчишки, а на танцполе зажигают под модные шлягеры первоотрядники со своими девчонками. Иногда цепляют девочек, тех что посимпатичней, из второго отряда, т.е. из нашего! От второго отряда танцует только Андрей. Он всегда держался старших. Девчонки старшие, те просто с ним как с пупсиком причесочку поправят, рубашечку запросят, потанцуют как с большим! Маладэц, да!

А зал-то забит до отказа! Свободного места нет! Не будешь же толкаться со старшими, тем более танцующими с девушками!

— Эй, банда! — услышали мы из-за спин танцующих Айда ко мне!

Расфуфыренный и напомаженный наш кружковод лихо отплясывал с вожатой и вот только что посадил ее на свободное место.

— Чего встали на проходе как скульптура Однорукому, давай в круг! А-ну, воспарим, иль мы не авиация? — закончил он не то мысль, не то приказ.

«Есть герой в мире сказочном. Он смешной и загадочный! Толстый Карлсон!» — неслось из колонок.

Сообразив кружок, мы начали в рамках приличия топтаться и сучить ножками. Получалось что-то вроде ритуального танца плакальщиц на могиле дальнего родственника вождя индейского племени.

В окне показалась лохматая прическа Пасика и быстро исчезла.

— Померещилось! — подумал я.

В круг ворвалась вожатая Анна, с которой раньше танцевал Ляля.

— А ну, банда, наддай! А то вы, орелики, со своих аэропланов попадаете сонные! — завернула она, лихо выделявая коленца. А мы что? А мы наддали! Еще как наддали!

Популярный танец-пляска «Коробейники» в переложении для рока с оркестром был выдан на гора со всем присущим дымом и копотью!

Девочки, сиротски жавшиеся к стульям, были расхвачены разгоряченными партнерами, хрипевшими как табун мустангов в прерии. Расхватывали всех и своих, и чужих; и с нашего отряда, и из старшего.

Табун распадался на пары, строился в ряды, хороводил и лился ручейком. Про стулья все забыли напрочь, и только работники хоздвора одобрительно улыбались и качали головами.

— Ну, ладно сказал начальник лагеря — Еще часик погремите, а потом по койкам, и что б я тут с дозором не ходил!

Общий градус на танцах начал расти. Вошел фотограф Валера. Он принес баян и зажег, как это умел делать только он, еврейский танец 7.40. Из медленного-медленного вступления его пальцы на грифе баяна начали подсакивать и поцокивать пока не перешли в сплошной поток, нет, лавину звуков, сводящих с ума, вышибающих пот сталевара, заворачивающих ноги в морские узлы. В его руках пел не старенький издававший виды баян, а просто 96 кнопочный «Юпитер»! Страшно представить, что он смог бы сыграть на этом монстре! Левая рука экономно давила на басы, все норовя тоже сорваться в немыслимый бросок.

Горящие глаза, узкие талии, поддержки и подкрутки....Высокие, маленькие, худые и пышечки - все закрутились в сплошной вихрь танца! Красивыми были все! Пляска!

Мальчики-девочки, чубчики-челочки, все кружилось, смеялось, сверкало и распадалось с последним вздохом. Даже малышня, соскочила со своих мест и мешалась под ногами, кривляясь и кувыряясь!

— Серега, а ты что тут делаешь? — пробасил над ухом сбивший дыхание Зорька — Ты ж в изоляторе до завтра!

— Так оно уже наступило! Время полпервого! — ухмыльнулся Пасик, закручивая под руку девчонку.

Завтра наступило неожиданно быстро. Убрав территорию и выполнив плановые дела, наш отряд изрядно пообедал и не торопясь стал готовиться к тихому часу.

— Жень, пойдем к старому тиру, тебя там пацаны ждут! — поправляя вихры и отводя глаза, сказал Игорек.

— Есть тема? — поинтересовался я — Что-то важное?

— Важное, хлюпнул он носом и опять отвел глаза.

— Важное, так пошли! — взяв его за руку, сказал я. И мы пошли в старый тир, спрятавшийся в ельнике у забора за баскетбольной площадкой.

Тиром давно не пользовались. Малышня под его крышей сушила найденные и насаженные на нитку грибы. Во время игры «Кругосветка» из него выскакивали пираты. В общем, заурядное ветхое строение с земляным полом и фанерными стенами, пустое и темное. Вход в него был только один с торца, где когда-то лежала доска, на которую юнармейцы ставили свои руки, удерживающие пневматическую винтовку. Теперь доски не было, и вход зиял как открытые ворота на волю.

— Ну и где народ? — спросил я, пройдя на середину замкнутого контура.

— А вот и народ! — раздалось за спиной, и в зияющее пространство вошло пятеро моих товарищей.

Самым рослым был Мишка Летехин, заходивший в наш кружок. За последний год он как-то резко возмужал. Очертились мужественные плечи, рельеф грудных мышц, прокаченные ноги. Раньше он был в нашей банде - возился с движками, запускал катапульту с 13 номером, крутил ракеты. Даже на волейбольную площадку выходил порубиться у сетки. Но почувствовав себя «взрослым», он отдалился, сколотив вокруг себя собственную компанию. Посидеть в кустах, подымить в рукав, побренчать битлов вот собственно и все. Украшением компании была Татьяна, наша ровесница, но гораздо глубже знающая жизнь, чем мы. У них «на Байкале» (у кинотеатра «Байкал» в Москве) девочки выросли раньше.

Остальную кавалькаду составили Сашка Пижон, наш Игоречек и еще пара-тройка ребятишек из его компании, имен которых сейчас и не вспомню.

Конечно, в физическом плане против этой маленькой армии я стоял легким пехотинцем. Но пехотинцем козырным. В кармане моих штанов лежал навесной замок от авиаракетного кружка, который я должен был закрыть, но не успел еще этого сделать.

Ловить было нечего, но и превращаться в светофор желания не было. Оставалось понять, в чем собственно дело?

— Ну и? — начал я негромко, нарочитая активируя нижний регистр своего голоса Господа джентльмены имеют что-то сказать?

— Ты это, не поясничай! К тебе претензии есть! — начал Сашка, выступая из-за Мишкиной спины — Ты чего чужих девчонок трогаешь?

— Трогаю я только воду в «Бучилле» перед купанием, а с девчонками я танцую — еще больше понижая тон, ответил я.

— А ответить за свое раздолбайство не хочешь? — подтявкнул кто-то из присутствующих.

— За себя отвечу, но кому я дорогу перешел? Кого обидел? — добавляя в голос животного рыка держал я ответ.

— Ты с моей девчонкой танцевал! — взвился Игорек. Я и не знал, что у него есть девчонка. Да вчера, кажется, я танцевал со всем лагерем!

— А не фиг по закоулкам в клубе прятаться. Танцевал бы сам! Я что кого-то насильно танцевать потащил? — не отпускал я инициативы. — Лялю и его банду в клубе вчера помню — отжигали классно! А вас, господа джентльмены, видел, извините, только у сортира куращими.

Обстановка накалилась до предела. Малейшее неосторожное слово могло привести к потасовке.

— А ты не боишься, что уйдешь отсюда с люлями на лице? — низко пробасил Мишка. Однако в его голосе не было нужной уверенности. Наверное поэтому он и спросил.

— А ты не знаешь нашу банду? До конца смены будем гасить вас хоть врозь, хоть скопом! Сомневаешься? Спроси у Зорьки, Макара или Пасика! Кстати, Пасик из изолятора вышел. Злой как зверь. Ищет на ком оторваться! — пошел я в атаку.

В рядах противника начались сомненья, перешептывания и недовольства.

Улучив момент, я достал из кармана замок и, подбросил его в руке, что бы показать его увесистость. Надо было действовать, и я пошел вперед, зажав его в правом кулаке.

— Ну-ка! У меня кружок не закрыт! — сказал я, разрезая как ледокол стену из теперь гнущихся и нерешительных бойцов. Еще два шага и я вышел на свет.

Навстречу мне бежал вожатый и девчонка из нашего отряда, что-то щебетавшая ему вслед.

— Урлов, все в порядке? — спросил вожатый, разглядывая мое лицо и не понимая, почему в руке у меня навесной замок голубого цвета.

— Да! Все чики-пуки! Все пучком! — ответил я, направляясь через футбольное поле к авиаракетному кружку, где опять запустили двигатель.

— А ну, банда, наддай! — услышал я голос кружководы, тащившего кордовую модель воздушного боя в центр поля.

— Наддай! — отозвалось в моем сердце, и я прибавил шагу.